

Анна Секушенко

Северное сияние

Анна Секушенко

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Стихотворения

Москва
2011

УДК
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С

А. И. Секушенко. Северное сияние: Стихотворения. –
С Москва: ЗАО «ММТК-Строй», 2011. – 82 с./илл.

Анна Ивановна Секушенко живет в Кашире. Она участник Великой Отечественной войны. Этой темой пронизано все ее творчество.

ISBN

УДК
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN

© Секушенко А. И., 2011
© «ММТК-Строй», 2011, составление, вступительная статья,
оформление

Об авторе

Анну Ивановну Секушенко по праву можно назвать поэтом-фронтовиком, хотя в годы Великой Отечественной войны, которую она прошла от первого дня до последнего, было не до стихов. Тяга к творчеству появилась у нее позже, когда настала пора осмыслить пройденный в юности путь, когда острее стала ощущать свою причастность к Великой Победе и ту цену, которая за нее заплачена.

«Святое солдатское братство» – и по сей день А. И. Секушенко сохраняет ему верность. Далеким огненным годам, однополчанам-североморцам, ветеранам войны посвящены стихи, составившие целый раздел данного сборника. Все есть в этих стихах: героизм, преданность Родине, верность дружбе, боль и горе, принесенные войной, и, конечно, любовь – та самая, которая приходит только в юности и которой не суждено было сбыться.

Тема любви и верности пронесена через весь сборник, и порой поражаешься силе чувства, которое довелось испытать и сохранить автору.

После войны Анна Ивановна выбрала самую что ни есть мирную профессию. Получив образование, она всю свою жизнь проработала на Каширском хлебокомбинате. Осваивала здесь кондитерское производство, возглавляла отдел труда и заработной платы, вела большую общественную работу. Профессии и коллегам посвящены стихи, идущие из сердца.

Анна Ивановна прожила большую жизнь. Целая натура, она всегда оставалась сама собой, что прочитывается и в ее творчестве, которое, надеюсь, не оставит читателя равнодушным.

Редактор

1. «Святое солдатское братство,
тебе мой навеки обет..»

Ветераны

Теперь, товарищ мой, не кажется мне странным
То, что на склоне лет зовут нас ветераны.
Не русским словом, да, но спорить нету смысла:
Ведь были на пути и Днепр, и Шпрее с Вислой.

И жребий выпал нам пройти с боями рано,
Чтоб воцарился мир в освобожденных странах.
Войне пришел конец. Судом народов строгим
Фашизм повержен был у стен своей берлоги.

Но не римляне мы – в награду брать надель.
Пред нами Русь легла во всем ее пределе.
С победой возвратясь, в разруху вгрызлись смело.
Нам до чужих земель вовеки нету дела.

Крепка, как монолит, любимая держава,
В далекие века ее зачата слава.
И, в сердце затая войны жестокой раны,
По-прежнему в строю седые ветераны.

У обелиска

И снова май. Цветет страна.
Пусть и полвека где-то близко
Тому, как кончилась война,
Но не забыты обелиски.

Прошла война. Победа. Май.
А клоним головы мы низко.
Будь стар иль млад – не забывай,
Что нет сынов, Отчизне близких.

Солдатка знает не одна:
Лежат они далеко, близко
И что рассеяла война
По всей Европе обелиски.

Победный залп. И тишина...
Ракет сиянье гаснет низко.
В ночи волшебница-луна
Ласкает мрамор обелиска.

Пройдет эпох бессчетный ряд,
Но людям мира будут близки
Советских подвиги солдат
И славы вечной обелиски.

Во славу Родины

Во славу Родины сияет
Ракетным пламенем закат
И снова мне напоминает
О славных подвигах солдат.
Былое в сердце воскрешает
Суровый памяти набат,
И грозным эхом долетает
Военных отзвук канонад.
И снова вижу у опушки
Кургана роковую пядь.
И тех героев, что у пушки
Остались навсегда лежать.
Ах, как ждала родного сына
В дому пустом седая мать!
Он от Москвы и до Берлина
Прошел, чтоб волю отстоять.
Летят года, но стирают
На обелисках грозных дат,
Огни священные пылают,
О славе миру говорят.
И в честь за Родину сраженных –
Да будет пухом им земля! –
Гремит ракетой зажженный
От Волгограда до Кремля
Победный залп, и долетает
До мира громовой раскат,
Что снова мне напоминает
О славных подвигах солдат.

Огненное эхо

Они сидели молча за столом –
Четыре в ряд натруженные руки,
Бровей дрожащих горестный излом,
В глазах – душевной отраженье муки.

Была сегодня вместе их семья,
Как будто смертной не было разлуки,
С портретов улыбались сыновья,
Смеялись неродившиеся внуки.

А им казалось, будто бы вчера
«Десант», «пехота», четверо танкистов
Ушли с родного отчего двора,
Чтоб заслонить Отчизну от фашистов.

Испита чаша горькая до дна,
Грядет предел неумолимый, скорый,
Да только забрала у них война
Всех сыновей – защиту и опору.

С годами боли в сердце не унять,
Пронзила судьбы роковая вежа.
И вечно будет в памяти звучать
Войны кровавой огненное эхо.

Морской десант

Санинструктору Нине Бураковой

Заполярная мгла. На два шага – ни зги.
Месяц снежное крошево из кирзы сапоги.
Боя жаркого «музыка», в обострении слух.
Окровавленный падает у «братишки» трех.

Жмет пехота морская. Всем: «Ни шагу назад!».
И в бою рукопашном моряку – черт не брат.
Кто-то ранен... «Сестричка»... И сполохами свет...
«Поспешаю, родимый»... Только стоны в ответ.

Плащ-палатку – на полозы. Круты спуск и подъем.
Нелегка эта ноша у врага под огнем.
Но «сестричка» двужильная, хоть и юная статья,
А сумеет «братишек» и у смерти отнять.

Откатила пехота. Катера между скал.
У фашистов до неба взрывов огненный шквал.
Баренец заштормило. Путь обратный незрячий.
Примет новых героев легендарный Рыбачий.

В ту тревожную молодость братство наше – святое,
Нас проверило время: кто чего из нас стоит.
За Отчизну погибшие навсегда рядом с нами.
Память сердца пронзая, вдаль летят журавлями.

Глядит на меня девчонка

*Девушкам-североморцам,
подругам моим боевым посвящается*

Алеют мирно закаты,
А с той далекой весны
Ко мне приходят девчата
В мои тревожные сны.

И я им рада, признаться,
Таким, которых уж нет...
Святое солдатское братство,
Тебе мой навеки обет.

В шинели, с шеею тонкой,
Прямой, с курносинкой нос –
Глядит на меня девчонка
С копной золотистых волос.

Я где-то ее встречала.
Ты, память, мне помоги.
Наверное, там, у причала.
Темно. Не видать ни зги.

Сестричка, лихие «братишки»,
До пояса стылый трап,
В полнеба багровые вспышки.
Морской пехоты этап.

А небо прожектор лижет
Во весь заполярный круг.
Немногим выпало выжить
Из наших друзей и подруг.

За честь Отчизны родимой
Им жизни было не жаль.
Горит огонь негасимый,
Да будет светлой печаль!

Победные гимны звонкие
Весенний ветер вознес.
Глядит на меня девчонка
С копной золотистых волос.

Глядит в бездонные сини
С далеких огненных дат
В тебя, родная Россия,
Твой синеглазый солдат.

Ее я встречала где-то.
А может быть, это я?..
Глядит на меня с портрета
Тревожная юность моя.

Помню

Набрела я случайно
На цветы иван-чая.
В изумленьи застыла,
Тебя вспомнила, милый.

Они вспыхнули ало,
Пламя в сердце запало.
Душу мне озарило –
Помню я, как все было.

Мы расстались нечаянно.
Пуля метила тайно.
Тундры ложе настылое
Стало братской могилою.

Так безмерно отчаянье!
Лег венок иван-чаевый –
Знак любви моей верной –
Под звездою фанерной.

Набрела я случайно
На цветы иван-чая.
Так давно это было...
Помню все, не забыла.

Русские березы

Березы. Русские березы,
Что за околицей стоят
И что склонили ветки-лозы
Под окнами у русских хат,

Что, споря с ветрами, на воле
Большими рощами шумят
И одиноко где-то в поле
К себе прохладую манят.

Как часовые у России,
Они и день, и ночь не спят.
Войны свидетели живые,
Героев подвиги хранят.

И помнят русские березы,
Где павшие бойцы лежат.
Им травы, чья роса, как слезы,
О вечной славе шелестят.

О вас мне, светлые березы,
У колыбели пела мать.
Случатся радости иль грозы,
Мне песня слышится опять.

Береза – Родины начало,
Сияет мне ее звезда.
Другого не ищу причала,
Я сердцем с ними навсегда.

Танк

Танк над землей взлетел на миг,
Обозревая ширь и дали,
Но грозных лет пожар утих,
И он застыл на пьедестале.

Он заслонил своей броней
Столицу в горькую годину,
Горел под Курскою дугой,
Дошел победно до Берлина.

Он повидал так много стран,
Что по ночам походы снятся,
В броне его немало ран
С тех пор, когда пришлось сражаться.

Лишь небосвод звезду зажжет,
Ему с собою нету сладу:
Застывший, он который год
Былую слышит канонаду.

Пути войны опять ведут
Его сквозь дым, огонь и даты,
И снова в памяти встают
В сраженьях павшие солдаты.

Он смело вел когда-то бой,
Собою заслоняя пашню,
Чтоб никогда взрывной волной
Не сотрясало больше башню.

У другой ты реки

Неба звездная люстра опрокинулась в речку.
Вновь свидания ждет ретивое сердечко,
Чтоб опять под луной у раскидистой ивы
Ты меня целовал, называя красивой.

Это было давно. Это было когда-то
(Помню я и храню те мгновения свято):
Я готова была от зари до заката
На свидание ждать дорогого солдата.

С нами день лишь один свадьба в белом кружилась,
А на утро война над страной вздыбилась.
И невеста-жена, и родные, и сваты
Проводили на фронт дорогого солдата.

Унесла мое счастье огневая лавина,
Но спасибо судьбе – подарила мне сына.
С соколиной семьей там, в заоблачной сини,
Он теперь, как и ты, постоит за Россию.

Обмелела река, в свечку высохла ива,
И меня уж давно не считают красивой.
Шьет алмазной иглой память ткань голубую,
И, как прежде, мой друг по тебе я тоскую.

Навсегда молодой, чуб твой бронзою скручен,
У другой ты реки, над Днепровской ты кручей.
Голос слышен вдали, тишину ночи рвущий
И в атаку живых из бессмертья зовущий.

Ты не суди

Ты не суди, что я одна,
Других хотя ничуть не хуже.
Когда-то унесла война
Судьбу мою, любовь и мужа.

Тебе ж, как видно, повезло:
Друзьям и недругам на диво
Вернулся всем смертям назло
Друг твой живым и невредимым.

Теперь ты мужняя жена
И свой очаг хранишь ревниво.
И чашу счастья пьешь до дна.
Конечно, это справедливо.

Но ты и тех понять должна –
И если что, судить не надо –
Кому любовь на миг дана
За одиночество в награду.

Глянь в синь небес – не видно дна,
А на душе такая стужа.
Зачем ты унесла, война,
Судьбу мою, любовь и мужа?

Память сердца

Давно прошла суровая война,
Трудом и миром славится страна,
Но кто остался после ада жить,
Тем никогда былого не забыть.

Я вижу ту далекую весну,
Победный сорок пятый, тишину.
И чувствую, как гнев во мне кипит,
Кто нам потери близких возместит?

Тех миллионы близких и родных,
Что полегли в сраженьях огневых,
Не пожалели жизнь свою отдать
И на Земле нам счастье отстоять.

Никто из них Отчизной не забыт,
Одеты обелиски в мрамор плит,
Огни священным пламенем горят,
О вечной славе миру говорят.

И память сердца будет призывать
Во имя павших за Отчизну-мать
Опять войны пожара не разжечь!
Народы мира, нам его беречь!

Твой портрет

Родной мне до боли взгляд,
И тонкие брови вразлет.
В судьбе и в сердце разлад,
Обиды не тает лед.

Все нет от тебя вестей
Столько и зим, и лет,
Но я с тех далеких дней
Все же храню портрет.

Мы вместе с тобой прошли
Огненных сто дорог.
Мы счастье, любовь нашли,
А ты их сберечь не смог.

Развенчаны мы судьбой.
Я все приняла, скорбя,
И рядом теперь другой,
И мне бы забыть тебя.

Но с памятью труден слад,
И сердце вдруг обожжет
Родной мне до боли взгляд
И тонкие брови вразлет.

Цветы запоздалые

Порой бывают и бесспорны
Поэта мудрого слова:
«Любви все возрасты покорны»...
Вдруг закружится голова
От слов твоих. Но опоздали,
Увы, они. Всему свой срок.
Звучат слова, как в водах талых
Весенний звонкий ручеек.
Но я не та теперь, другая,
Хмельное выпито вино.
И о любви лишь вспоминаю –
О, это было так давно!..
Мне лет холодное похмелье
Роняет иней на виски.
И годы, колдовское зелье,
Уж излечили от тоски.
Что на любовь мне не ответил,
Не признак верности другой.
Меня ты просто не заметил.
Ты не орел был, милый мой.

Встреча

За годы ты не изменился.
Все тот же блеск лукавых глаз.
Тебя ждала я, ты мне снился
Ночами долгими не раз.

Я помню все. Штормило море.
Причал у заполярных скал.
Прощальный час. С судьбою споря,
«До скорой!» ты мне прокричал.

Ушел корабль, влекомый роком.
Сомкнулись небо и вода.
И лихолетья длинным сроком
Прошли меж нами, как беда.

В огне, в бою за честь Отчизны
Утратам нашим нет числа.
Тебя (скажу без укоризны)
Тогда любовь моя спасла.

Зачем судьба послала встречу,
Коль рядом гордая Она?
Опять дохнула в этот вечер
В лицо разлучница война.

Обласкан северным сияньем
Тревожной юности причал.
Хранима вечно мирозданьем
Любовь – начало всех начал.

Храните Землю!

И снова залп. Восторг на лицах.
И за сполохами сполох.
И над ликующей столицей
Грачиных стай переполох.

Салют! Салют! Салют! Победа!
В тот май, девятого числа,
Она пришла сквозь ад и беды
И мир от гибели спасла.

А путь ее лежал неблизко –
На запад, в логово врага.
А вслед вставали обелиски –
Мела свинцовая пурга.

И в залпах различимы звуки:
«Храните Землю!». Это зов
Вновь к вам, сидящие внуки,
От вечно молодых дедов.

Храните этот мир прекрасный,
Что мы сумели отстоять,
Чтоб не закрыла солнца красного
Паучья свастика опять!

А фейерверк лазурью звездной
Сияет мирно над Москвой,
А отзвук канонады грозной
Уводит память за собой.

Завещание на жизнь

Рассказ

*Светлой памяти не вернувшихся с полей сражений
Великой Отечественной войны*

I

Превозмогая недуг, Полина Григорьевна встала и по-праздничному оделась. Оглядев себя в зеркале, мысленно улыбнулась тому, как сочетались ее белоснежной белизны волосы с накинутой на плечи пуховой белой шалью ажурной вязки. Несмотря на преклонный возраст (а вчера Полине Григорьевне исполнилось восемьдесят лет), волос у нее был густой и ниспадал на плечи длинными пушистыми локонами.

Полина Григорьевна еще раз, теперь уже с грустной улыбкой, осмотрела вчерашние подарки, которые преподнесли ей коллеги в клинике на вечеру в честь ее юбилея.

Поверх свертков, перевязанных красивыми ленточками, коробок и рулончиков лежала темно-вишневого цвета папка с тисненным золотом адресом. Очень хотелось неторопливо все рассмотреть и все вспомнить до мелочей: кто и что вчера ей говорил – словом, пережить все заново. Но тревога, не оставлявшая ее с самого утра, не позволяла ей этого сделать, подумать сейчас предстояло над другим. Над тем, как собраться с духом и открыть сыну тайну, которую она, Полина Григорьевна, хранила вот уже сорок четыре года.

Ранним утром она отправила сына в один из подмосковных городков на митинг в честь сорокалетия Победы – поклониться обелиску на братской могиле, где вместе с остальными захоронены ее муж и сын, а его отец и брат. Сама она уже лет пять, как не ездила туда. С годами переживания становились все острее, и такие поездки ей были не под силу. Теперь она провожала сына одного.

Полина Григорьевна достала из комода узелки и, положив их на стол, стала развязывать.

На комод, прислоненные к его резной спинке, стояли три портрета. Справа и слева – портреты ее мужа и сына Бориса, а по центру – портрет поэтессы Ольги Андреевны Строковой, санинструктора полка, в котором воевали муж и сын Полины Григорьевны. Глядя на лицо красивой смеющейся женщины, которая однажды вошла в ее жизнь, Полина Григорьевна вновь, уже в который раз, испытывала волнение и чувство вины перед нею. «Сегодня, обязательно сегодня я должна выполнить ее просьбу, больше откладывать нельзя, иначе будет поздно».

Полина Григорьевна подошла к столику и стала просматривать дорогие ее сердцу документы и вещи, связывающие ее настоящее с прошлым и ставшие для нее бесценными реликвиями. Вот два планшета и брезентовая, цвета хаки санитарная сумка. В летном планшете мужа хранились пачка папирос «Казбек», зажигалка и сборник стихов Ольги Строковой под названием «Светлые зори». Это был первый сборник поэтессы, и стихи были светлые, полные оптимизма и радости жизни. Между страниц сборника лежала фотография Строковой, где она была одета в гимнастерку, талию ее опоясывал широкий ремень с перекинутой через плечо портупеей.

Планшет сына она всегда открывала и рассматривала с улыбкой. Но сегодня не стала ничего трогать. Не стала листать и его дневник с подробным описанием безответной любви к Строковой, с гневными словами к отцу.

В санитарной сумке лежал нераспечатанный флакон с духами, на этикетке которого было выведено «Фрески». Был здесь и точно такой же сборник стихов, какой лежал в планшете мужа, и еще одна, выпущенная перед самой войной книга Строковой.

Полина Григорьевна задумалась. В памяти вновь всплыли те два страшных декабрьских дня 1941 года, которые разрушили всю ее жизнь.

II

Перед войной Полина Григорьевна Любимова занималась научными изысканиями в области кардиологии в одной из клиник Москвы, а в начале войны была мобилизована и назначена начальником санитарного поезда.

Каждый рейс таил в себе опасность, так как фашисты постоянно бомбили санитарные поезда, разрушали железнодорожные пути. Но каждый раз, отправляясь к линии фронта, Полина Григорьевна надеялась, что сбудется ее заветная мечта и она, наконец, встретится с мужем и сыном, которых не видела с первых дней войны и которые воевали где-то рядом, обороняя Москву.

...На станцию санитарный поезд прибыл, когда начал заниматься рассвет. Все пути были забиты составами.

Поступило распоряжение начинать погрузку раненых. От вокзала к поезду потянулись люди с носилками: как всегда, вначале грузили тяжелораненых.

Не прошло и получаса с начала погрузки, как пришла медсестра из последнего вагона и сказала, что какой-то капитан, сам раненый, привез еще двоих тяжелораненых летчиков и просит встречи лично с нею, Полиной Григорьевной.

– Вы говорите, раненые летчики?

– Да, – ответила медсестра, – и этот офицер, что их привез, тоже летчик. У него рука в гипсе.

При мысли, что среди раненых могут быть ее муж и сын, Полине Григорьевне стало страшно.

У последнего вагона ее окликнул певучий, с украинским акцентом голос. Полина Григорьевна резко обернулась и не поверила своим глазам. Перед нею стоял давний друг их семьи, капитан Петр Иванович Стаднюк.

– Петро! Вот так встреча! – И она вдруг как бы осеклась, заметив, что Петр не смотрит ей в глаза. – Петро! Ну, скажи же скорее, кого из них ты привез – Бориса, Виталия? Ну, скорее же!.. – Полину Григорьевну била лихорадка.

– Успокойся, я все тебе расскажу: как мы живем и как воюем. Но прежде пойдем со мной к коменданту станции, нужно решить с ним один вопрос. Отпроситься на три – четыре часа до ближайшего аэродрома.

Полина Григорьевна чувствовала, что Петр что-то не договаривает, и не ошиблась. Уже не полдороге к аэродрому он сообщил ей, что она едет на встречу с мужем и на похороны своего единственного сына, который погиб вчера, 10 декабря 1941 года, в воздушном бою на подступах к городу К.

Они успели к выносу тела.

Борис лежал в крайней деревенской избе, у входа в которую стояли вооруженные красноармейцы. Где-то рядом шел бой, была артиллерия, круша снарядами землю. Полина Григорьевна ничего не видела и не слышала. С отрешенным видом перешагнула она порог избы, и первым, кого увидела, был муж. В расстегнутом реглане он, большой и сгорбленный, сидел у гроба и, казалось, не замечал ее.

Полина Григорьевна, все еще не веря в случившееся, глядела на сына, на тонкие, почти детские черты его лица. Она вся словно закамелела и не могла плакать.

Кладбище было недалеко от деревни, на косогоре. Какие-то незнакомые ей люди говорили речи...

Наконец могила была зарыта и в изголовье поставлена красная звезда. Полина Григорьевна хотела повернуться к мужу, но вдруг заметила стоящую в стороне от могилы девушку. День догорал. Солнце большим, оранжевым шаром повисло у горизонта. Озаренная им, девушка была необычайно хороша. В ее глазах, смотревших в сторону могилы, было сострадание.

В какой-то миг Полина Григорьевна перехватила взгляд мужа, обращенный к девушке, и от предчувствия новой беды у нее похолодело сердце. Как бы ища подтверждения своим подозрениям, она обернулась к незнакомке. Та, гордо подняв голову и резко повернувшись, зашагала в сторону аэродрома.

Муж вдруг заплакал. Он обнял жену и положил голову ей на плечо, его крупное тело сотрясало от рыданий. «Я не могу, не могу, – повторял он. – Я знаю, что ты всегда была сильнее меня...»

Они начали прощаться.

– Поля, может так случиться, что больше не свидимся, – сказал муж, указывая на могилу сына. – Я виноват перед тобой. Виноват... Прости меня. Я познакомился с нею незадолго до войны. Я люблю ее. И ты меня пойми. Пойми и прости. Все перепуталось...

III

Полина Григорьевна не думала о себе, о тех опасностях, которые на войне ежечасно подстерегают каждого. Теперь всю ее захватила тревога за мужа. Его признание в любви к другой женщине, сделанное у могилы сына, накалило душевную боль. Сердцем она понимала, что не время и не место судить мужа.

Друзья Виталия проводили ее на станцию. Оказалось, что их поезд отправят только на рассвете, так как снова повреждены пути. Полина Григорьевна обошла все вагоны, выслушала врачей и медсестер, которые докладывали о состоянии раненых, сообщали об умерших.

Гибель сына острой занозой вонзилась в сердце, наполняя болью грудь, и рыдания подступали к горлу. Хотелось уйти куда-то и по-бабьи кричать, причитать, чтобы выплеснуть из груди эту боль.

Наконец пути восстановили. Но какая-то неведомая сила удерживала ее на этой станции, полной техники и войск. Отдав приказ на погрузку очередной партии раненых, то и дело ходила вдоль состава, то помогая грузить, то отдавая распоряжения.

Часто останавливалась, еще и еще раз всматривалась в даль, в конец вокзала, в сторону водокачки, откуда вчера вынырнул «козел» Петра.

Она не могла отделаться от предчувствия новой беды. И не обманулась.

Из-за водокачки показался «козел» и почему-то очень медленно стал продвигаться к перрону. Полина Григорьевна побежала навстречу. Она была уверена, всем существом чувствовала, что это автомобиль Петра. Да, это был все тот же «козел» и за рулем – вчерашний шофер. Но что это? Сзади к машине были привязаны сани.

– Стой! – словно на лошадь, крикнул Петр шоферу и как-то грузно и медленно сошел с саней. – Полечка, здравствуй! Я так боялся, что не застану тебя.

Говорил он каким-то чужим голосом и отводил в сторону глаза. Но Полина Григорьевна не слышала его. Ее взгляд был прикован к саням, на которых, закутанный в два полушубка, лежал человек. Она почувствовала, что ее ноги сделались словно ватными и силы стали покидать ее. «Виталий...» – еле выговорила она побледневшими губами.

– Боже! Какой же я осел! Поля, да не Виталий это, нет, – закричал Петр, подхватывая падающую Полину Григорьевну.

– Кто это? – спросила она, придя в себя.

– Полечка, дружок, она умирает. Помоги скорее. Скажи, пусть внесут ее в твоё купе.

– Почему в мое купе? О чем ты говоришь? Кто это?

– Полечка, милая, это наш полковой санинструктор Строкова.

– Ах, вот кого ты ко мне привез, – с горечью сказала Полина Григорьевна.

– Нет, нет, Поля, ты так не можешь. Ты не должна. Ты ведь врач. Она в грудь ранена. Ее даже на стол в лазарете не взяли, но она уколы никакие делать не дала, чтобы не убить ребенка, – быстро говорил Петр.

– Какого ребенка? Да говори же ты толком.

– Да, да, Полечка, надо все понятней. Так вот, Поля, говорю тебе как врачу: надо срочно сделать ей кесарево, она умирает, а ребенок может жить.

Полина Григорьевна вырвала свои руки из рук Петра и, откачнувшись, смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Ты с ума сошел, – наконец сказала она. – Ты понимаешь, о чем просишь? Человек умирает, а ты...

– Не я, не я, это она, Оля, просит тебя, умоляет тебя. Полечка, вот ее

расписка у меня, ты отвечать не будешь. Вот все ее документы из лазарета. Ее ранило утром. Бомба разорвалась близко, ее отбросило, ударило, и у нее осколок в груди. Полечка, прикажи поскорее перенести ее в вагон, она может в любую минуту умереть, да и ребята полдороги едут без полушубков.

Полина Григорьевна подошла к саням. В них было много соломы, на которой стояли носилки. От изголовья поднимался слабый парок. Дышит еще, отметила про себя Полина Григорьевна.

– Пусть несут носилки в пятый вагон. Это мой вагон, его будут загружать в последнюю очередь.

Персонал из других вагонов был занят погрузкой, в пятом была одна сестра Глаша – давняя подруга Полины Григорьевны.

Полина Григорьевна распорядилась поставить носилки в соседнем со своим купе. Строкову сняли с носилок и положили на нижнюю полку. Развернув одеяло, Полина Григорьевна увидела, что все белье на ней смерзлось. Девушка была без сознания. Отослав Петра в соседнее купе, Полина Григорьевна с помощью сестры разбинтовала и осмотрела рану. «Не представляю, как она сможет родить и придет ли в сознание», – подумала она.

Но сознание к Строковой вернулось. Она узнала Полину Григорьевну и заговорила быстро, тихим, поминутно срывающимся голосом.

– Вот мы и встретились... Я боялась... не доеду...

– Ну, зачем же такой пессимизм? Я еще не видела ваших ран, – сказала Полина Григорьевна.

Ольга отвела своей слабеющей рукой руку Полины Григорьевны.

– Пожалуйста, выслушайте меня, а то потом может быть поздно, и я не успею попросить вас о многом. Это ребенок Виталия. Пожалуйста, если это сын и он будет жить, назовите его Андреем, так звали моего отца. Он тоже был летчиком и погиб в финскую. Я окончила аэроклуб, литинститут и курсы санинструкторов.

Она говорила быстро, словно боялась, что Полина Григорьевна уйдет и она не успеет сказать всего.

– Я любила вашего мужа, и только в этом моя вина перед вами. Там, в лазарете, я поняла, что смертельно ранена, и просила сделать мне кесарево, чтобы спасти ребенка, но они отказали. Сейчас я понимаю, что просила напрасно. Судя по всему, у меня начались роды. Мое желание одно: чтобы ребенок остался жить. И к вам, Полина Григорьевна, у меня единственная просьба – сохраните сына. Он вам будет вместо Бориса. Борис любил меня, но сердцу не прикажешь, я любила его отца. Расскажите моему сыну все обо мне, когда вырастет. Не держите на меня сердца... Простите...

Глаза ее лихорадочно блестели, черты лица заострились, и оно было мертвенно бледным. По всему было видно, что она потеряла много крови и это конец.

Обмякнув, она оставалась неподвижной, лицо ее было повернуто к стене. А под одеялом шевелилось, издавая еле слышные, захлебывающиеся звуки, новое существо, новая жизнь. Полина Григорьевна быстро развернула одеяло и взяла в руки маленький, красный комочек. Это был мальчик. Отделив его от матери и передав Глаше, Полина Григорьевна занялась Строковой.

Пuls почти не прослушивался. Жизнь еле-еле теплилась. Полина Григорьевна сделала один за одним сердечные уколы и ввела морфий. Строкова пришла в себя.

– У вас родился сын, и вы будете жить, – сказала Полина Григорьевна.

Строкова улыбнулась слабой, вымученной улыбкой.

– Пусть он живет за всех за нас, – чуть слышно сказала она и так же тихо попросила: – Покажите...

Ей показали сына. Ребенок громко заплакал, и глаза Строковой тоже наполнились слезами. Она молча смотрела то на сына, то на Полину Григорьевну и, казалось, что-то хотела сказать. Подошел Петр.

– Оленька, вот все и обошлось, – сказал он.

– Нет, я умираю. – И вдруг, словно вспомнив о чем-то, прошептала, обращаясь к Полине Григорьевне: – Сумка... Духи там... Завещание... Фрески там... Фрески.

«Бредит», – подумала Полина Григорьевна. Это были последние слова Строковой. С того момента, как ее привезли, и до этих последних минут не прошло и часа, а Полине Григорьевне казалось, что прошла вечность. Сейчас она больше всего боялась, что заплачет ребенок, сама не зная, почему этого боится.

Строкову унесли обратно в сани. Петр плакал. Полина Григорьевна сидела потрясенная случившимся. Она пыталась как-то разобраться в своих чувствах к Строковой, но ничего, кроме жалости к ней, не испытывала. И вдруг вспомнила о муже. Как же ему теперь будет трудно, и как он перенесет эту смерть?

Вошла Глаша, провожавшая тело Строковой.

– Я думаю так, други мои, – сказала она, – коль скоро никто не видел и не слышал этих родов, то и знать об этом должны только мы трое. Главное, чтобы ребенок до ночи не расплакался. Это ты, Полечка, временно родила.

– Да ты с ума сошла, – возмутилась Полина Григорьевна.

– Почему с ума сошла? – сказала Глаша. – Пока он не вырастет, этой истории никто знать не должен.

– У него есть отец. Как он распорядится, так и будет, – сказала Полина Григорьевна.

– Поля, – заговорил молчавший до сих пор Петр, – ты помнишь, Олечка, умирая, сказала, пусть ее сын живет за всех нас?

– Что ты этим хочешь сказать? – холодея сердцем, спросила Полина Григорьевна.

– А то, Полечка, что Виталия тоже нет в живых. Сбили его фашисты. Самолет он успел посадить. Его из горящей машины, уже мертвого, вытащила Оленька. И Глаша говорит верно. Если решишь оставить себе ребенка, лучше все сохранить в тайне. Документы о гибели всех троих тебе вышлют на твой почтовый ящик. Потом же об аттестате на ребенка надо подумать.

Полина Григорьевна обхватила голову руками, упала лицом на стол и разрыдалась.

– Прости, Поля, за страшные вести, – сказал Петр. – Мне пора, я опаздываю. Наши все трое будут лежать в одной могиле. Ты, Глафира, посмотри тут за ней. Тяжело ей будет.

... Полина Григорьевна решила взять ребенка. С оформлением документов, к ее радости, все обошлось благополучно. На основании справки из прифронтового госпиталя о рождении ею, Полиной Григорьевной, ребенка в санитарном поезде ей без хлопот выдали свидетельство о рождении сына. Они с Глашей перевелись в прифронтовой госпиталь и стали растить мальчика.

IV

Шли годы. Андрей вырос в упрямого и своевольного юношу, и Полине Григорьевне много сил стоило воспитать из него настоящего человека. Андрей стал летчиком.

...В дверь позвонили. Это доставили заказанный в ресторане «Прага» обед. Убрав с круглого стола юбилейные подарки, Полина Григорьевна постелила белую скатерть и поставила приборы на шесть персон. Так у них с сыном было заведено давно. Теперь она начала убирать реликвии. Дойдя до духов «Фрески», опять вспомнила слова умирающей Строковой. И вдруг Полину Григорьевну словно пронзило током. Дрожащими руками она вынула флакон. На дне коробочки лежал четверо свернутый тонкий, пожелтевший от времени листок бумаги. Полина Григорьевна развернула его. Завещание.

У Полины Григорьевны потемнело в глазах. Ее бил озноб.

– Боже мой, – почти прошептала она, – а я думала, что это был бред. Подумать только, пролежало столько лет...

Она с лихорадочной быстротой прочитала завещание. Затем еще раз, еще... Поверит ли сын, что она не придала значения словам умирающей Ольги?

И вдруг Полина Григорьевна представила, как они, муж и Строкова, пишут это завещание, полные любви друг к другу, пьянея от каждого прикосновения и думая о сыне, которого уже ожидали. И она впервые за все годы испытала чувство ревности и досады, граничащей с недоброжелательностью к Строковой. Эта женщина, подумала она, вошла в мою судьбу, как рок. Отняла мужа, умирая, отдала сына и теперь, мертвая, через столько лет может отнять у меня моего – да, да, моего! – сына.

Для нее в Андрее были сосредоточены два близких ей человека – муж и сын Борис. Пока рос, она с тревогой всматривалась в него, боясь увидеть черты Строковой. Но мальчик был как две капли воды похож на отца, хотя многое взял и от матери.

V

...Митинг закончился. Площадь у обелиска и мемориала быстро опустела, автобусы увозили людей в город. От обилия венков и живых цветов площадь казалась торжественно-печальной. Кругом стояла такая тишина, что не верилось, что всего полчаса назад здесь были тысячи людей.

На опустевшей площади их было четверо. Словно сговорившись, они медленно направлялись к обелиску. Трое мужчин были приблизительно одних лет – сорока, а один – лет семидесяти пяти, с густой и совершенно седой копной волос. Было видно, что каждому из них хотелось побыть одному. Они как бы по очереди останавливались у обелиска и по несколько минут смотрели на него. Открытие мемориала было приурочено к сорокалетию победы, и сегодня они были свидетелями торжественного акта.

Позже всех к обелиску подошел пожилой мужчина. Он остановился позади всех, постоял несколько минут молча, а потом обратился ко всем сразу:

– Ну, что ж, сынки, здоровеньки булы! Наслушались, насмотрелись – и годе. Зараз пишли вон в тую долину и перекусим чем Бог послал. А заодно и попрощаемся, так как я приехал, видать, в последний раз. Годы, они свое берут, – вздохнул он. – А вы молодцы, что не забываете своих батьков и дедов.

Старик заинтересовал всех своей душевной простотой и такой подкупающей общительностью, что все согласились перекусить «чем Бог послал» и пошли за стариком в «тую долину».

Обелиск стоял на том месте, где был остановлен враг, рвавшийся к Москве, справа от него проходила шоссе́нная дорога, связывающая город со столицей.

Один из мужчин спросил старика:

– А вы, отец, кому приезжаете поклониться? Наверное, сыну? Я вас здесь почти каждый год вижу.

Тот задумался, вздохнул и сказал:

– Да, давно езжу. С тех пор, как стали все останки погибших сносить и хоронить в братской могиле. Боялся, что могила дорогих мне людей может затеряться и имен их не будет на обелиске. Но мои опасения оказались напрасными, – он показал фотографию, на которой были три человека. – Вот слева Борис Витальевич Любимов, в середине – его отец, Виталий Иванович Любимов. Оба летчики. А это их...

Не успел он договорить, как все время молчавший Андрей Любимов сказал: «Двоюродная тетя». Все засмеялись. Старик строго посмотрел на Андрея и сказал:

– Не угадали.

– Простите, – сказал Андрей, – я хотел сказать, что это двоюродная сестра вот его, – и он указал на Виталия Ивановича.

– И опять не угадали.

«Что это я им говорю? – подумал Андрей. – Ведь они и не подозревают, что речь идет о моих родных». Он сразу вспомнил, что этого старого человека видел на многих снимках, что хранились в их семейном альбоме. Решил не называть себя. Его насторожили слова: «Опять не угадали». Андрей почувствовал, что присутствует при открытии какой-то касающейся его тайны. Старик еще раз строго посмотрел на Андрея и сказал, указывая на фотографию:

– А это их большая любовь и гражданская жена Виталия Ивановича.

– Как это большая любовь обоих? – спросил, задыхаясь от волнения, Андрей.

– А вот так. Любили ее и сын, и отец. А она ответила взаимностью отцу. Долгая это, сынки, и драматичная история.

Все молча ждали продолжения рассказа. Андрей еле сдерживал волнение.

– Так вот как оно было, – начал старик, не подозревая, какую тайну открывает одному из слушающих его.

– Вот, сынки, какие в жизни бывают повороты. А виной всему война, будь она треклята. Давайте прощаться. Всех вас мой внук отвезет на вокзал. А зовут меня Петр Иванович.

– Скажите, отец, что с женщиной, то есть с женой погибшего летчика, и с ребенком? Они живы?

– Они живы. Но адреса их я не знаю и разыскиваю их вот уже сорок лет.

Все пошли к машине, а Андрей задержался возле Петра Ивановича.

– Где вы остановились в Москве? – спросил он старика.

– В гостинице «Россия».

– Это не так далеко от квартиры моей матери. Если вы не против, Петр Иванович, я поеду с вами до Москвы и вы встретитесь с моей мамой. Уверен, вы будете рады свидеться с Полиной Григорьевной Любимовой.

– Так вы... Так это?..

– Да, я сын Полины Григорьевны, тот самый подарок, что был оставлен ей сорок четыре года назад.

VI

...Возвратившись домой, Андрей еще в коридоре почувствовал острый запах лекарств.

– Мама, сердце? Я сейчас «скорую»...

– Не надо, она уже была. Мне лучше. Сын, ты долго, – с укором сказала Полина Григорьевна. – Пожалуйста, присядь, и поговорим.

– Начинается, – подумал Андрей.

– Сын, я давно храню тайну и, пока не поздно, должна тебе ее открыть.

– У меня тоже есть для тебя тайна, – сказал Андрей с лукавой улыбкой.

– У тебя – и тайна? – тихо рассмеялась Полина Григорьевна.

– Мам, не надо. Я все знаю.

– Что ты знаешь? – с тревогой спросила Полина Григорьевна.

– Все знаю. Что она, Ольга Андреевна, никакая не двоюродная тетя, а моя родная... Одним словом, женщина, которая, умирая у тебя на руках, родила меня.

– Но откуда? Кто? Это сказала тетя Глаша?

– Нет.

– Нет, постой. Эту тайну знали только трое. Все ясно, я знаю твою тайну: ты встретил Петра Ивановича Стаднюка.

– Да, – сказал Андрей, – и он скоро будет у нас. Да ты не волнуйся,

мамочка, милая. Кто бы и где меня ни родил – ты мне самая, самая, самая родная, – говорил он, осыпая ее лицо и руки поцелуями.

– У меня для тебя есть еще одна тайна, – сказала Полина Григорьевна.

– Мама, хватит тайн. Все остальное – завтра.

Но Полина Григорьевна продолжала:

– Там, на столе, коробочка. Духи... Завещание... Фрески...

Волнения не прошли для Полины Григорьевны бесследно – под утро ее не стало.

VII

...Вернувшись с кладбища, Андрей поехал на квартиру матери. Он хотел побыть один. Горе, казалось, опустошило его душу. Он еле держался на ногах от усталости. Хотел было прилечь на диван, как вдруг заметил на столике коробочку с духами. Вспомнил, как действительно мать просила открыть эту коробочку, с которой связана еще одна тайна. Теперь он ее открыл. Сверху, на флаконе, лежал пожелтевший листок бумаги. Развернув его, Андрей сразу узнал почерк отца. Завещание? Андрея охватило необычайное волнение, и по мере того, как он читал, оно возрастало. Он перечитывал вновь и вновь:

«Сыну, любимому Андрею Витальевичу.

Дорогой сын, родной наш мальчик, тебя еще нет на свете, но может случиться так, что нам не суждено будет увидеть друг друга. В смертельной схватке с врагом, фашизмом, не всем выпадет выжить. Многим из нас придется отдать жизни за нашу великую Отчизну, за дорогую Русь. За то, чтобы у вас, кто останется жить после нас, была светлая, свободная жизнь. Именно такую жизнь мы и завещаем тебе. Будь достойным сыном своей страны. Целуем тебя. Твой отец Виталий Иванович Любимов, мама Ольга Андреевна Строкова».

Он быстро подошел к комоду. С трех портретов на него смотрели молодые, улыбающиеся лица. С момента открытия тайны и по сей день он все никак не мог осознать, что эта дивной красоты женщина – его мать. Они с отцом любили друг друга и, конечно, очень хотели жить, но их взяла война. Нет и мамы – самой дорогой и родной для него женщины, которой он обязан всем, чего достиг и чего еще сможет достичь. Не верится, что ее нет. Он вдруг почувствовал себя одиноким, и боль утраты, рвавшая все эти дни его сердце, огромным комом подкатила к горлу.

От слез стало легче, и он, как бы заново осмысливая свою жизнь, отчетливо понял, что отныне, что бы он ни делал, будет все соизмерять с заветами отца.

И уже потом он вновь и вновь задавал себе один и тот же вопрос: «Что... Что сделал я? Что должны сделать мы, поколение послевоенное? Сыны невернувшихся отцов? Как мы должны жить, чтобы быть достойными не вернувшихся с полей сражений, тех, кто, умирая, попрал смерть? Тех, кто, умирая, оставил нам завещание на жизнь?».

И как ответы на свой вопрос вразнобой вспоминал фразы из «Реквиема», который читали на митинге пионеры: «Клятву даем: то, что отцы не построили, мы построим», «Памяти павших будьте достойны!».

– Будем достойны, – с трудом подавляя волнение, но решительно произнес Андрей.

II. «Спасибо, что ты есть на свете!»

Прощание

С мольбой ты смотришь и укором,
А чаша выпита до дна.
И близок час разлуки скорой,
И на двоих одна вина.

Недолго были нам утехой
Надежда, вера и любовь.
А я твержу, и сердцу эхо
Все повторяет вновь и вновь:

«Есть долга строгая граница,
Ему дано нас разлучить.
В душе навечно сохранится
Любви связующая нить».

Пустой перрон. Тоски вершина.
Часов на башне перезвон.
Экспресс, бездушная машина,
Уже помчала за кордон.

Чужая даль за дымкой где-то,
Сердцами рядом ты и я,
И нас роднит одна планета
С прекрасным именем Земля.

* * *

Ты взвалил мне на плечи
Боль и горечь разлук.
Пусть мне будет не легче –
Не тяну к тебе рук.

Разум с гордостью спорит:
«Ты любовь береги!».
Неужели так скоро
Мы навеки враги?

На дороге остылой
Слышу чьи-то шаги.
Я люблю тебя, милый.
Сердце, мне помоги!

Признание

Я тебя не люблю, не люблю, повторяю,
Отчего, почему, и сама я не знаю.
Видно, тайны черту преступили когда-то,
И к былому нам нет и не будет возврата.

В мире стало тесней: нас теперь уже двое.
Только смыло следы пенной кромкой прибоя.
И в зенит, и в закат мало солнца и света,
Улетела любовь на другую планету.

Все прими и прости, правда жизни жестока.
Мне бы только дойти, вновь дойти до истока.
Снова встречу любовь – я наверное знаю,
А тебя не люблю, не люблю, повторяю.

То было давно

Русая прядь. Глаза с поволокой.
То было давно и было далеко...
Город у моря, туманная дымка.
К нему на свиданье приду невидимкой.

Приду озареньем, как юность, как память.
Следы захоронит черемухи замять.
О многом расскажут сплетенные руки.
Нам помнить не надо о нашей разлуке.

И чудо свершится. Как в пору былую,
Мы вместе опять, и опять я целую
И русую прядь, и глаза с поволокой,
Ведь наша любовь позабыта до срока.

Еще не осень

«Еще не осень. Нет, еще не осень», –
Мне шепчешь нежно эти ты слова,
И на душе – апреля просинь,
И от любви кружится голова.

Еще не осень. Сердце ласки просит,
И в нем живут крылатые мечты.
Да, годы красоту мою уносят,
Но все-таки не осень – рядом ты.

Еще не осень. Пусть шальная выюга
Нам заметает серебром виски.
От гроз земных мы сберегли друг друга,
Да и теперь, как в юности, близки.

Еще не осень – шепчет стылый ветер,
Еще не осень – верю я сама.
И оттого мой день грядущий светел,
И оттого не торжествует тьма.

* * *

Свой гимн небесной синеве
Поют лесные пташки.
Стою по пояс я в траве,
Гадаю на ромашке.

Не любит милый... Почему?
Свиданья ж были сладки.
За что со мною, не пойму,
Любовь играет в прятки.

Вот и ромашка говорит:
В том виноваты оба,
Что на пути моем стоит
Разлучница-зазноба.

Я ей (молвы не убоясь)
Скажу предельно строго:
«С любимым неразрывна связь,
Уйди с моей дороги».

Ко мне вернулся старый друг
В малиновой рубашке.
Любовь кончается не вдруг,
Лукавая ромашка.

* * *

Глаза твои опасные
И черные, как ночь.
Во всем с тобой согласна я.
Противиться невмочь.

Пьянею без шампанского
Я от твоих речей
И таю от бессонницы
Под куполом ночей.

Но не из тех ты, сокол мой,
С кем в пору под венец.
Предвижу у любви своей
Печальный я конец.

Слова твои обманные,
Лукавишь, словно бес.
Добро, что не поверила
Повесе из повес.

И в песне лебединой той
Тебе лишь пара строк.
Прощай, любимый демон мой,
Спасибо за урок.

Спасаясь от гибели,
Любви закрыла дверь.
С тоскою неизбывною
Куда же я теперь?

Слова любви

Словам любви, как чуду, верю.
(Ужель возможен и обман?)
С каким-то колдовским доверьем
Я пью их сладостный дурман.

И про себя – как заклинанье:
«Еще, еще раз повтори.
Я эту музыку признанья
Готова слушать до зари».

А если же в мажорных гаммах
Когда-нибудь случится сбой,
И счастье обернется драмой,
И мы расстанемся с тобой,

Я и тогда сквозь расстоянья
Услышу, сердцем уловлю,
Как позывные мирозданья,
Твое пьянящее «люблю»...

Сейчас, не веря в расставанье,
Мне радость встречи подари.
Слова любви, как заклинанье,
Еще, еще раз повтори.

Демон

Врубелевской кистью проведу
По твоим из бархата ресницам.
Снова мне на радость иль беду
Не замедлит образ твой явиться.
В сердце мне зажжет печаль-свечу
Взор твой и коварный, и лучистый.
К твоему крылатому плечу
Я прильну с молитвою к Пречистой.
И забуду, что, сорвав фату,
Навсегда растаял в дали мгlistой,
Что разбил о счастья мечту,
Уронив на берег каменистый.
Вновь твоею речью смущена,
Ранена отравленной стрелой,
В мирозданье, где не видно дна,
Устремлюсь покорно за тобою...
У звезды падучей на руках
Вдруг опять я опускаюсь низко.
Ангел, мой хранитель в облаках,
До тебя не допускает близко.
Средь безмолвья сердцем я кричу
(А в любви молчанье слов речистей):
«Лебединой верности хочу,
А любви – и преданной, и чистой».
Врубелевской кистью проведу
По твоим из бархата ресницам.
Верно, ты мне послан на беду,
Жизни моей горькая страница.

О тебе

Твой светлый взор под стать заре,
А полыхнет стальной стынью –
Покажется, что в январе
Запахло горькою полынью.

Но что мне горечью дышать?
Мне не страшны исчадья ада –
Мне б только снова увидеть
Мою любовь, мою отраду.

За что люблю, и не пойму,
Я синих глаз твоих безбрежность.
Хочу склониться к твоему
Плечу доверчиво и нежно.

Видения

Кричала мне разрыв-трава:
«Ты не права, ты не права.
Нельзя любовь назад вернуть –
Она к другой избрала путь».

Взывала вслед плакун-трава:
«Ты не права, ты не права.
Разрыв с любимым, что гроза,
А ты спокойна, где слеза?».

Повеса-ветер прилетал,
Слова утешные шептал:
«Забудь его, любовь не вечна», –
И дальше полетел беспечно.

И только одолень-трава
Сказала мне: «Любовь права.
О милом ложная молва».
От счастья кругом голова.

Очнулась. Смолкли все слова.
Стою. По пояс мурава.
И ярок луг, и солнце светит.
Земля смеется разноцветьем.

Маяк надежды

Погашен наш костер.
Развеют пепел ветры.
Отпустим на простор
Любовь с печалью светлой.

Что счастье сорвалось
С начертанного круга,
За все, что не сбылось,
Не укорим друг друга.

Не говорю «Прощай»,
Возможны в жизни встречи.
Любить не обещаю.
Запомним этот вечер.

Пусть светит нам в пути
Всю жизнь маяк надежды.
О прошлом не грусти.
Мне улыбнись, как прежде.

Любит... Не любит...

Грустят у дороги березы и сосны.
Вдаль парусом белым плывут облака.
Куда-то торопятся зимы и весны
И вновь не воротятся наверняка.

А я все не верю, не верю, не верю
Той сердце щемящей тоске вопреки,
Что осень крадется у самой у двери,
Листвой золотой заметает виски.

А память о друге тоскует и плачет,
И два на руке обручальных кольца.
Но жизнь продолжается, а это значит,
Что нет у любви и у счастья конца.

Да только с годами я строже и строже,
А в сердце повеяло снова весной.
Пришел тот, другой, на тебя не похожий,
И разум в смятенье: а вдруг он родной?

Любит... Не любит... Гадает ромашка.
Любит... Не любит... Гадаю и я.
А выйду навстречу – душа нараспашку,
И мне от надежды светлее земля.

* * *

Плеснула синь свою река
В два голубые родника.
Ресницы – тонкая лоза.
Люблю, люблю твои глаза.

Любви они и счастья свет,
Их ничего дороже нет.
И светят пусть они не мне –
От них теплее на Земле.

К тебе летят мои мечты,
Но им давно не внемлешь ты,
Лишь отзвуки счастливых лет
Доносит эхо мне в ответ.

Ты говорил, любовь навечно
И даришь мне ее одной.
Но счастье, видимо, беспечно —
Взяло и выпало другой.

Она неожиданно и нежданно
Вдруг встала на моей тропе.
Осталась тайной неразгаданной
Любовь, угасшая в тебе.

Но не корю. И так случается,
Что ты не смог любовь принять.
Во мне ж, я знаю, не скончается
Ее живая благодать.

И я счастливой не завидую,
Что солнце ярче светит ей.
Любовь могла бы стать обидою,
А стала гордостью моей.

Защита мне она от домыслов,
С ней на краю неведом страх.
В делах она в моих и в помыслах,
И в вешних ливнях, и в стихах.

И пусть осталась безответною,
Года не студят сердца зной.
Люблю тебя любовью светлою,
Любовью гордою такой.

Она неугасимо светит
В пути мне яркою звездой.
Спасибо, что ты есть на свете
И что я встретилась с тобой.

III. «... И осень жизни мне в награду»

Мамин юбилей

Вороновой Любви Меркурьевне

Ты в хлопотах, родная, спозаранку.
Горят, сияя, семьдесят свечей,
Вино и яства, скатерть-самобранка,
Заздравных много сказано речей.

И тесен круг, и все светлее лица
Твоих сынов, внучат и дочерей.
А в памяти проходит вереница
В былом нелегких и тревожных дней.

Да, были дни порой небезмятежны,
Но вот всходила новая заря,
Сменялись грозы радостью безбрежной,
И жизнь, родная, прожита не зря.

Недаром на груди твоей сияют
Во славу материнства ордена.
По ним дела и помыслы сверяют
Те, жизнь кому ты, мама, отдала.

Тебе милы и сыновья, и внуки,
Твои они и от твоих корней.
Просты у сердца матери науки –
Ты с тем из них, кому всего трудней.

И вместе видеть их всегда ты рада,
Они сердцами тянутся в ответ.
Ты, впрямь, одна им помощь и отрада,
Для них одна ты – несказанный свет.

Я – пекарь

Люблю профессию свою.
Других она ничуть не хуже.
Я – пекарь. У печей стою,
Как сталевар, и в зной, и в стужу.

Из тех печей, где пар и жар,
Днем, ночью, утром спозаранку
Выходят, как священный дар,
Мои румяные буханки.

В них – нивы золотая даль,
Земли живительные соки.
Без хлеба не родятся сталь
И поэтические строки.

Мир на Земле хранить должны
Броней окованные танки,
Но людям больше все ж нужны
Мои румяные буханки.

Священный дар

Не металлурги мы и не геологи,
Не медики, что всем нам дороги.
Поэм, стихов не пишем строки.
Друзья, мы просто хлебопеки.

Не водим корабли мы в океанах,
Что по волнам спешат в другие страны.
Неведомы нам космоса истоки.
Нет, мы всего лишь хлебопеки.

Профессий много разных и высоких,
Как и людей нам близких и далеких.
Всем нужен хлеб – он жизни соки,
И всем сродни мы – хлебопеки.

Нас вспоминают добрыми словами
В кругу за новогодними столами.
Мы всем ответим славными делами,
Столы заставим сдобой, пирогами.

Ты уезжаешь близко иль далеко
Всегда согрет заботой хлебопека.
В рюкзак возьмешь буханку хлеба –
Священный дар земли и неба.

Мы в белых, как волшебники, халатах,
И на столах наш труд в домах и хатах,
Мы бодрость придаем в строю солдатам,
Всем помогаем – взрослым и ребятам.

От наших рук, от нашего умения
Порой зависит ваше настроенье.
И людям всем нужны мы, хлебопеки,
На параллелях близких и далеких.

Поднимем чашу!

Старый год, как друга-человека,
Мы провожаем, милая страна.
Им в летопись космического века
Победа вписана, и даже не одна.

Уж новый год шагает по планете.
Его красива поступь и тверда.
И он перед историей в ответе
Теперь за судьбы мира и труда.

Поднимем чашу здравицы с друзьями,
Как на Руси издревле повелось.
И вспомним тех, которые не с нами,
С кем свидеться теперь не довелось.

С кем разделяли трудные дороги,
Чьей дружбы верной сердцу огоньки
Нас согревают в бури и тревоги
И светят ярко, словно маяки.

И пусть сияют зорями вершины
У елей, как у древнего Кремля
Сияют миру звезды-исполины!
С пришедшим годом, люди и Земля!

А вьюга и пуржит, и все заносит.
И в полночь вновь застоллица пришла,
И, вторя ей, над Родиной разносят
Кремлевский звон часы-колокола.

Весенний гимн

Последний солнце выпило сугроб.
Ушла в преданье вьюга злая.
Выводит в поле трактор хлебороб,
Об урожае в сто пудов мечтая.

Плуг нарезает жирные пласты,
И нету полю ни конца, ни края.
Плывут куда-то облаков холсты,
И вся земля – в истоме мая.

Грач по-хозяйски бороздой идет,
Грач, вскормленный земною дланью.
С мотором вместе хлебороб поет
Весенний гимн земле и мирозданию.

Настанет срок – на необъятной ниве
Заколосится тучная пшеница.
Качнется ветер в золотом разливе,
Умчит, подобно легкокрылой птице.

Поет мотор до утренней звезды,
В извечной песне – радость с болью.
Вы пахаря у первой борозды
Встречайте, люди, хлебом-солью!

Весна

Шмель забасил над чашечкой цветка.
Пчела жужжит над почкою медовой.
Весна, сорвавшись с нового витка,
Мир одарила яркою обновой.

Зашелковилась озимь на полях
И изумрудом глаз ласкает нежно.
Опять бушует вьюга в тополях,
Опять чарует синевы безбрежность.

Блестит утрами серебром роса
На разнотравье броском у опушки.
Подзолотились птичьи голоса –
И соловья, и клушистой кукушки.

Ку-ку, ку-ку. И снова тишина
Повисла меж берез и сосен.
Кукушка-врушка, не твоя ль вина,
Что мало так моих осталось весен?

И солнце-рысь, вонзив свои усы
В хрустальный купол мирозданья,
Не отрывает взгляда от красы
Нежнейшего и яркого созданья.

Но вот дохнуло зноем, не шутя.
Конец весне, по всем приметам.
Она, как несмышленое дитя,
Сама спешит в объятья лета.

Люблю

Люблю всегда я отчий край –
Зимою, летом, в юный май,
Но ближе, чем метель, жара,
Мне все же осени пора.

Лишь смолкнет шум дождей косых,
Прозрачный воздух свеж и тих,
Играет светлый луч с утра,
И манит осень со двора.

Спешу в объятья злых, шальных
Ветров, что в проводах стальных
Поют в степи мне песню-быль,
И слушает ее ковыль.

Люблю смотреть, когда полна
И льет волшебный свет луна.
В ее сияньи – звездный лес
В бездонной проруби небес.

И пусть в волнах осталась стынъ
И скрыли тучи неба синь,
Вокруг в сто радуг полоса –
Сияет осени краса.

Дубов, берез осенних медь
Иду я к лесу посмотреть,
Рябин пунцовых гроздьев дар,
Осин багрянецвый пожар.

Люблю я блеск осенних зорь,
Люблю – и ты со мной не спорь –
Крик журавлей, летящих вдаль,
И звонкий воздуха хрусталь.

В преддверии листопада

Порой витает предков тень,
В снах вещей вознесясь над нами,
И омрачает светлый день,
И слышны реквиема гаммы.

Тогда под ношей бытия
И древним покорясь преданьям,
Уже тревоги не тая,
Боюсь расстаться с мирозданьем.

Но, сблизясь с роковой чертой,
Я сердцем, грустью просветленным,
Приемлю вечности покой –
Ведь человечество нетленно.

Тернист, недолог путь земной,
Благословен вперед идущий.
Хочу немеркнувшей звездой
Остаться в памяти живущих.

В ладу с собою и судьбой,
И осень жизни мне в награду –
Так лес, объятый тишиной,
Ждет золотого листопада.

Бабье лето

Зазвенело снова мне приветом
В струнах паутины бабье лето.
Трав хмельным настоем закружило,
Счастье нам с тобой наворожило.

Бабье лето, я в тебя не верю.
Дней счастливых по тебе не мерю.
Будь благословен ты, ветер встречный,
В мире этом мы недолговечны.

Осень, осень, ты пленишь недаром.
Все объято увяданья жаром.
Не о лете ли росой обильной
Горько плачут красные рябины?

И во мне — не осени ль примета? —
Все звучит (не стану верить в это)
Тонкою морзянкой в сердце где-то
В струнах паутины бабье лето.

Осеннее

Октябрь в лицо дохнул со злостью.
Дни покатались под уклон.
Опять ко мне желанной гостьей
Летит синичка на балкон.

И в тихом посвисте пичуги
(Предвижу скептиков укор)
Мне слышен плач далекой вьюги
И снежный видится простор.

К ветрам закаты багровеют.
Волны свинцовой плеск весом.
И ярче озимь зеленеет
В багряном зареве лесов.

Клин улетает журавлиный,
И в небе разлита печаль.
И облака грядою длинной
Свой караван уносят вдаль.

Последние минули грозы.
Березы в золоте давно.
Свои роняет осень слезы,
А жизнь прекрасна все равно.

Тихая охота

Притихший лес объят дремотой.
Спешу на тихую охоту,
Осенней золотой поры
Беру бесценные дары.

Лоснятся желтые маслята,
За ними прячутся опята,
Вокруг березы на опушке
Захороводились чернушки.

В панамках ярких сыроежки
Зовут: «Бери же нас, не мешкай!»,
В ковбойской шляпе боровик
К земле под травами приник.

И я их все, подрезав ножки,
Любовно уложу в лукошко.
А мухоморам тут не быть,
Ведь нам с лица воды не пить.

Проснулся лес. На кронах блики,
Как россыпь золотых огней.
А в небе стай пролетных крики,
Прощальный знак осенних дней.

И я, уже устав немножко,
Бреду домой знакомой стежкой,
И стих, как ручеек журчит,
Несмелой рифмою звучит.

День золотой

Листья резные с клена
Я на лету ловлю.
Красный, желтый, зеленый –
Гамму эту люблю.

Рвутся в осеннюю просинь.
Так их причудлив полет,
Будто бы письма в осень
Клен золоченый шлет.

Устлана вся поляна,
Что расписной ковер.
Воздух пьяняще-пряный
Заполонил простор.

Огненно-призрачным заревом
Окрест полыхает лес.
В облачном легком мареве
Свод голубых небес.

Солнце – янтарного цвета.
День такой золотой.
Царствует бабье лето
Броской недолгой красой.

Надломилась береза

Вяжет в узел все туже жизнь и счастье, и грозы.
Как-то, с бурей не сдюжив, надломилась береза.
Надломилась береза посредине ствола.
А другая, подружка, на себя приняла

Ее, гордую в горе, боль сумела унять
И за плечи, как друга дорогого, обнять.
Она нежно шептала: «Ты теперь не одна.
Что бы с нами ни стало – горе выпьем до дна.

Пусть судьба надломила и не та теперь стать.
Кто не венчаны с горем, тем нас вряд ли понять».
Так под зноем и стужей они тихо скрипят.
Две березы, обнявшись, у опушки стоят.

Добротой в грозный час меж собой они схожи.
И на грешных на нас так порой не похожи.

Я возвращаю письма

Светлой памяти Г. Г. Ильчикова

Я возвращаю письма.
Твои к моей фамильной ветви.
От них пахнуло южным ветром,
Слышна азовская волна.

Я возвращаю письма.
Твои к тому, кого уж нет на свете,
Чей образ дорогой и светлый
Не омрачит и вечность сна.

Я возвращаю письма.
Твои к тому, кто был свидетель
И лучших наших дней радетьель.
Теперь в том храме тишина.

Я возвращаю письма.
К ним рук твоих прикосновенья
Родят минувшего виденья,
И в сердце зазвучит струна.

Я возвращаю письма.
Их пожелтевшие страницы
Мне в сердце не вонзились спицей.
Та чаша выпита до дна.

Я возвращаю письма.
Со мною связанную повесть.
Твою встревоженную совесть
Пусть тронет прежняя вина.

Я возвращаю письма...

Сегодня май

Сегодня май! Сегодня май!
Отчизна, стягами сияй!
Пусть плещет море кумача
У Мавзолея Ильича!

Вот майским солнцем озарен,
Под ярким пламенем знамен,
Сомкнув ряды, идет вперед
По Красной площади народ.

Размерен шаг, и блеск наград –
Идет особенный отряд!
Их подвиги не знают равных...
Идут в колонне ветераны.

О многом миру говорят
На транспарантах цифры в ряд.
Стоят они в колонках стойко,
Как позывные перестройки.

Ликуй, страна, моя земля!
От стен великого Кремля,
От Спасской башни до Карпат
С приветом первомайским, брат!

Восславим мир, и май, и труд!
И пусть народы все поймут:
Нам дорога на всех одна
Планеты мирная весна.

Дорожные стихи

Ночь зажигает звезды-свечи.
Колесный слышен перестук.
И близко чья-то радость встречи
И чьи-то горести разлук.

И я спешу. Гудок тревожный,
Его неотвратимый звук
Торопит в суете дорожной
Прощальное пожатье рук.

И не до сна. Страшит немножко
Ночи нависший полумрак.
Люблю в вагонное окошко
Смотреть и думать просто так.

А скорый мчит ветрам навстречу,
Кого-то просит «до-го-ни!».
Сияют, словно рады встрече,
Вокзалов добрые огни.

На склонах ветры обгоняя,
Стрелой летит через мосты.
В туманной дымке чуть мерцают
Серебряные рек холсты.

А месяц в океане звездном
Холодной льдинкою плывет,
И вдруг с небес легко – не грозно –
Звезда на землю упадет.

Рассвет. Зари алеет стежка –
И дня, и утра добрый знак.
Люблю в вагонное окошко
Смотреть и думать просто так.

Щедроты января

Щедроты января.
Кружение снежных перьев.
Зима в ладони мне свои роняет перлы.

Кругом белым-бело, и все полно значенья.
Волшебный этот час – природы очищенье.
А на исходе дня закат смеется ало.
Ласкает луч его земное покрывало,

В просветах между туч
Мерцанье звезд сверхдальних.
Рубиновым зрачком им дерзко вторит лайнер.

Крещенской стынью ночь заполонила даль.
И воздуха звенит и колется хрусталь.
Но вот опять грядет нам новая заря.
А с ней снега, снега – щедроты января.

Мальчишки

Вновь слышу я ребячьи голоса
И как с березы сыплется роса.
А из окна: «Найду на вас управу...»
Но улетела стайка от расправы.

Из лука вникуда летит стрела.
Дзинь – и в окне как не было стекла.
Вдруг заиграют в страшную войну.
Прохожий в изумленье – ну и ну!

Бывают и «взаправдашние» драки,
На то они мальчишки – забияки.
А я люблю мальчишек-забияк.
Они не злые. Это просто так.

Когда им нужно главное сказать,
Они вдруг станут спорить и кричать,
Ершась, как молодые петухи,
Порой мешают мне писать стихи.

На них я не в претензии, однако, –
Сама была когда-то забиякой.

Сельские картинки

Стоят вдали задумчиво стога.
Гуляет ветер в золотой стерне,
И юный месяц, наострив рога,
Плывет средь звезд в небесной вышине.

Туман парным разлился молоком,
Укрыл реку – мне не сыскать и брода,
Луга обрамил, словно бы венком,
Окрестный лес – земной красе в угоду.

Пьянят настои ароматных трав
Последнего, нещедрого укуса...
И, верно, август на исходе прав,
Что все обильней утренние росы.

Он, август, славен (хоть кого спроси)
Плодов обильных золотым запасом,
Хмельным гуляют духом по Руси
Медовые да яблочные спасы.

Но слышна поступь принца-сентября,
Его дыханье рядом где-то.
Пред октябрем скрывает он не зря
Свою влюбленность в бабье лето.

Октябрь, завистник, хмурый нелюдим,
Дождей холодных источает слезы,
Им лист опавший яростно гоним,
Он клонит долу тонкие березы.

Мне ж всех ненастий дни близки,
Ищу меж каждой тучкой просинь,
И не беда, что на мои виски
Роняет злато листьев осень.

Люблю, как небо дарит свой зенит,
Отнерестившись звездами обильно,
А за окном моим горит
Свечой негаснущей рябина.

* * *

Я такого не встретила,
В омут чтоб с головой
С ним, неверным и ветреным,
Так не схожим с тобой.

Я такого не встретила,
Не ждала, не звала.
Так за что же отметила
Меня злая молва?

Я с изменой повенчана
И с разлукой на «ты».
Ах, любовь моя вечная,
Ах, родные черты...

Средь своих незнакомая,
Как с чужого села,
С непонятной им мовою,
Я всегда весела.

Эх, молва-пересмешница,
Мне ли спорить с тобой?
Не святая я – грешница,
Рай приемлю земной.

Оттого, видно, суженый
И в полуденный зной
С сердцем хладным, остуженным
Разминулся со мной.

Сельская быль

Плывет молва на все село.
Не скрыть ни горя, ни удачи.
Что мне в любви не повезло,
На всех завалинках судачат.

А за селом до петухов
Все о любви тальянка плачет.
Не говори мне нежных слов,
Что ничего теперь не значат.

Твой плат я не надену вновь,
А на гармонь небрежно кину.
Была или не была любовь –
О том не будет и помину.

Сумею гордо я пройти
(Ни в сердце, ни в душе озноба),
Коль повстречаю на пути
Свою неверную зазнобу.

Зачем же тайно слезы лью,
Лишь повстречаю гармониста?
А вот возьму и полюблю
Теперь Сережу тракториста.

Признание

Тянусь я к людям, словно к звездам,
Как путник в жажду к роднику.
Познать хочу, пока не поздно,
Я всю их мудрости реку.

Ну, пусть не всю, а лишь частицу,
Что необъятно – не объять,
Но жизни главные страницы
Обязан каждый прочитать.

И я спешу, порукой – совесть.
Не все дела завершены,
Те, что войдут в большую повесть
Родной земли, родной страны.

Себя не мыслю с ними розно,
К ним все мечты меня влекут.
Тянусь я к людям, словно к звездам,
Как путник в жажду к роднику.

Берегите любимых своих!

Не бродите по старым местам,
Где вдвоем вы когда-то бродили.
Непреренно припомнится вам,
Что вас преданно, нежно любили.

Не бродите по старым местам,
Где когда-то любовью шутили,
Не поверили главным словам,
А они настоящими были.

Сразу вспомнится горечь утрат,
Растревожатся старые раны.
А с годами они во сто крат
Тяжелее болят, как ни странно.

Доверяясь привычным волнам,
Не будите уснувшую память,
Не бродите по старым местам
Ни весной, ни в снежную заметь.

В мире много тропинок других,
В мире много и солнца, и света.
Берегите любимых своих!
Их любовью согрета планета.

Лики красоты

С полуулыбкой Мона Лиза,
С живой лукавинкою глаз
С резного в золоте карниза
Своей красотой пленяет нас.

И ей под стать краса Венера,
Мадонны Лита, Бенуа.
То мастеров великих эра.
Восторг как выразить в словах?

А лик египетской царицы –
Страны чудесных пирамид –
Как всей Земли красавиц лица,
Через века на нас глядит.

Не фараоновскою знатью
Вознесена она в зенит –
О красоте, уме и стати
Ее молва в веках гласит.

В грядущем, верю, не убудет
К красотам тяга у людей,
Наверняка восторг пробудит
Лик современницы моей.

В нем отразятся ритм эпохи,
И смелой мысли дерзкий взлет,
И неба мирного всполохи,
И штурм космических высот.

Не Мона я, не Нефертити,
Но в этих ликах красоты
(Мою нескромность мне простите)
Порой ищу свои черты.

А если б мне, а если б тоже..
То шепчет зависти змея.
А я горда, что с ними схожа
Уж тем, что женщина и я.

Краса эпохам неподвластна

К реке слетает круто косогор.
Ветров объятья стылые нередки.
Стоит старинный каменный собор –
Святылище далеких наших предков.

Как будто бы громадою веков
Вписался он в пейзаж неброский.
На нем, земных не ведая оков,
Ввысь тянутся послушницы-березки.

И льется мироздания покой
В его незастекленные глазницы,
Соприкасаясь с гулкой тишиной,
Мелькают робко дальние зарницы.

Малиновый давно не слышен звон –
Лишь воронья над колокольной крики.
И все же не распалась связь времен,
Хотя развенчаны святыи лики.

И мнится белокаменная твердь
И купол золоченый в небе чистом,
И верится: такое будет впредь –
У входа рой паломников-туристов.

Двадцатый век в созвучии со мной,
Его веленья покоряют властно.
Дружить хочу я и со стариной.
Краса ее эпохам неподвластна.

Моему недоброжелателю

Кто счастливей из нас –
Я ли, однолюбка,
Иль ты, не пропустивший
Ни единой юбки?

В сердце я сохраню
До самой до могилы
Образ мне дорогой,
Единственный и милый.

Тебе ж на склоне дат
Ночами будут сниться
В тугой колоде карт
Чужие лица.

* * *

Стою на расстанях былых дорог,
А память, словно перекасти-поле,
Туда уносит, где судьбы пролог, —
К моей далекой босоногой доле.

Где и теперь уже зажглась заря,
Где утро огласилось песней звонкой.
Где, новый день надеждой одаря,
Встает светило над моей сторонкой.

Я через осень сердцем к ней тянусь,
Святую память вечности тревожу,
И в верности дочерней ей клянусь,
И все потери прошлые итожу.

Да, мне другие видятся хлеба,
Сибирский край, где колосятся нивы,
И в два оконца низкая изба,
И жеребенок с золоченой гривой.

Воспоминая в детство вновь лечу.
Колосьев сбор под звуки горна.
И низко поклониться я хочу
Пшеницы собиравшим зерна.

* * *

А жизнь, судьбой дарованное чудо,
Нам выпала на самом на краю.
Но сердца не коснулася остуда
Ни в самом жарком, ни в другом бою.

И до конца в едином том порыве
Не все дошли сквозь тысячу ночей.
Они навечно в бронзовом отливе
Стоят на страже Родины своей.

И в день Победы – он по-майски светел
И будет впредь других светлее дней –
Нам видятся сквозь дымку лихолетий
Могилы наших близких и друзей.

И в час застолья в дорогие даты
Не оттого ли горькое вино,
Что рядом с нами – павшие солдаты,
В бессмертие шагнувшие давно?

Я через осень в памятные весны
Смотрю сквозь пламя вечное огней.
Шумят о жизни вековые сосны,
И оттого печаль моя светлей.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе 4

I. «СВЯТОЕ СОЛДАТСКОЕ БРАТСТВО, ТЕБЕ МОЙ НАВЕКИ ОБЕТ..»

ВETERАНЫ	5
У ОБЕЛИСКА	6
ВО СЛАВУ РОДИНЫ	7
ОГНЕННОЕ ЭХО	8
МОРСКОЙ ДЕСАНТ	9
ГЛЯДИТ НА МЕНЯ ДЕВЧОНКА	10
ПОМНЮ	12
РУССКИЕ БЕРЕЗЫ	13
ТАНК	14
У ДРУГОЙ ТЫ РЕКИ	15
ТЫ НЕ СУДИ	16
ПАМЯТЬ СЕРДЦА	17
ТВОЙ ПОРТРЕТ	18
ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ	19
ВСТРЕЧА	20
ХРАНИТЕ ЗЕМЛЮ!	21
ЗАВЕЩАНИЕ НА ЖИЗНЬ (Рассказ)	22

II. «СПАСИБО, ЧТО ТЫ ЕСТЬ НА СВЕТЕ!»

ПРОЩАНИЕ	35
«Ты взвалил мне на плечи...»	36
ПРИЗНАНИЕ	37
ТО БЫЛО ДАВНО	38
ЕЩЕ НЕ ОСЕНЬ	39
«Свой гимн небесной синеве...»	40
«Глаза твои опасные...»	41
СЛОВА ЛЮБВИ	42
ДЕМОН	43
О ТЕБЕ	44
ВИДЕНИЯ	45
МАЯК НАДЕЖДЫ	46
ЛЮБИТ.. НЕ ЛЮБИТ..	47
«Плеснула синь свою река...»	48
«Ты говорил, любовь навечно...»	49

III. «... И ОСЕНЬ ЖИЗНИ МНЕ В НАГРАДУ»

МАМИН ЮБИЛЕЙ	50
Я – ПЕКАРЬ	51

СВЯЩЕННЫЙ ДАР	52
ПОДНИМЕМ ЧАШУ!	53
ВЕСЕННИЙ ГИМН	54
ВЕСНА	55
ЛЮБЛЮ	56
В ПРЕДДВЕРИИ ЛИСТОПАДА	57
БАБЬЕ ЛЕТО	58
ОСЕННЕЕ	59
ТИХАЯ ОХОТА	60
ДЕНЬ ЗОЛОТОЙ	61
НАДЛОМИЛАСЬ БЕРЕЗА	62
Я ВОЗВРАЩАЮ ПИСЬМЕНА	63
СЕГОДНЯ МАЙ	64
ДОРОЖНЫЕ СТИХИ	65
ЩЕДРОТЫ ЯНВАРЯ	66
МАЛЬЧИШКИ	67
СЕЛЬСКИЕ КАРТИНКИ	68
«Я такого не встретила...»	70
СЕЛЬСКАЯ БЫЛЬ	71
ПРИЗНАНИЕ	72
БЕРЕГИТЕ ЛЮБИМЫХ СВОИХ!	73
ЛИКИ КРАСОТЫ	74
КРАСА ЭПОХАМ НЕПОДВЛАСТНА	76
МОЕМУ НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЮ	77
«Стою на росстанях былых дорог...»	78
«А жизнь, судьбой дарованное чудо...»	79

Литературно-художественное издание

Секушенко Анна Ивановна

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Стихотворения

Редактор А. Гришина
Компьютерная верстка И. Федоровой
Обложка Т. Микрюковой
Фото из архива автора

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Peterburg».
Печать офсетная
Тираж 150. Заказ

Издательство «ММТК-СТРОЙ».
113035, Москва, 2-й Кадашевский пер., д. 10, кор.1
Отпечатано в ЗАО «ММТК-СТРОЙ»
113035, Москва, 2-й Кадашевский пер., д. 10, кор.1
e-mail: mmtk-st@mail.ru

